

**О.А.ЕГОРОВ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОЙ ПСОВОЙ ОХОТЫ
(XV-XVIII ВВ.) // Часть первая «Охотничий регул принадлежащий да псовой охоты». Начальный этап становления русской псовой охоты (XV - первая треть XVIII вв.). Глава II. Предыстория русской псовой охоты**

4. в) Специализированная породная группа «гончие собаки»

В Литовском статуте мы видим одну бесспорную гончую собаку — огара. На своей родине в Польше огар известен именно как специализированная заячья гончая. В латинском варианте второй редакции Литовского статута огар так прямо и назван — «брак или заячий тонкочутый огар». Его использованию в заячьей охоте посвящена одна из самых первых польских охотничьих книг — «Охота с огарами» («Myslistwo z ogary») Яна Остроруга, рукописный вариант которой появился на рубеже XVI—XVII вв. (ее разборку будет посвящена отдельная глава).

Оценка уже в первой редакции Литовского статута огара всего в 3 копы грошей, то есть более чем в 6 раз ниже, чем меделяна, бесспорно это подтверждает. А само его упоминание в статуте означает, что со второй половины XV в. в Великом княжестве Литовском он, по всей видимости, был уже вполне обычен и популярен среди литовско-русских охотников.

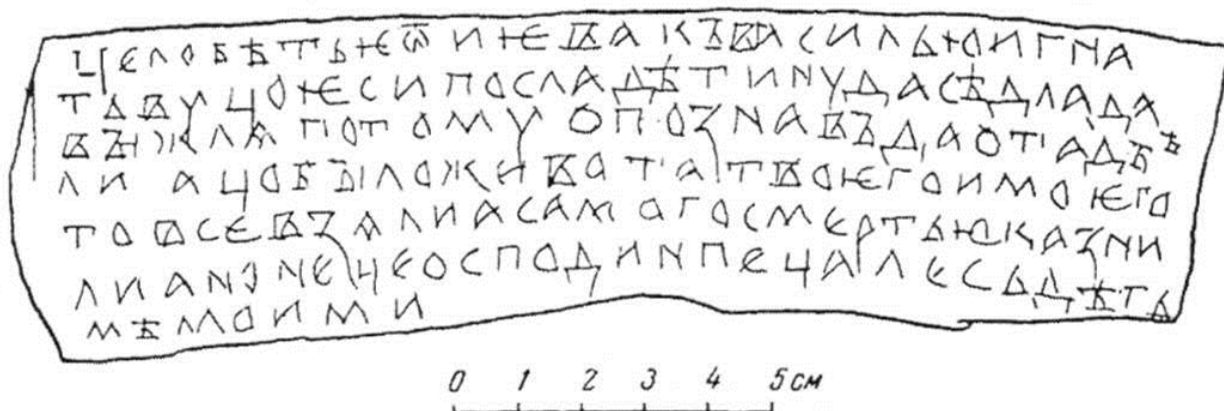
Интерес к огару был проявлен и в Московской Руси, в первую очередь, надо думать, именно как к собаке специализированной по зайцу. Как я уже упоминал выше, в 1521 г. по просьбе старшего боярина Г. Ф. Давыдова канцлером Великого княжества Литовского Н. Н. Радивилом в Москву были посланы огар и огарица. Сам ранг просившего свидетельствует, что собаки эти были привезены именно для высокой охоты и что москвитов интересовали главным образом именно заячьи собаки. Однако, как и в случае с курчем, поступление огаров в Московскую Русь было скорее всего эпизодично, и они не только не сохранились здесь как самостоятельная порода собак, но и не передали своего имени ни одному из местных отродий ловчих собак. И все же полностью отрицать тот факт, что определенную роль в становлении местных отродий ловчих собак огар сыграл еще в XVI в., мы не имеем никаких оснований.

Однако наибольший интерес в Литовском статуте для нас представляет не огар, а другая порода собак — «выжль заячий или звериный». Латинский перевод породного названия этой собаки первой редакцией статута не оставляет никаких сомнений, что «выжль» был именно духовой собакой. Основная специализация его — это участие в загонно-тенетных охотах для розыска и подъема зверя.

Оценка первой редакцией статута выжля всего в 3 копы грошей неоспоримо свидетельствует о том, что собака эта принадлежала мелкой шляхте и крестьянам и была именно промысловой или полупромысловой, точнее, универсальной охотничьей собакой. Но самое примечательное, что выжль был известен и в Восточной Руси.

Среди найденных при археологических раскопках Великого Новгорода

берестяных грамот есть одна (получившая порядковый номер 135), в которой упоминается выжль. Публикатор новгородских грамот А. В. Арциховский, опираясь на ее палеографический анализ, дал следующую датировку этой грамоты: «Все буквы имеют аналогии в рукописях XIVв. и начала XVв. Общие очертания письма позволяют скорее предположить XVв.»¹ В.И.Борковский, проводивший лингвистический анализ новгородских грамот подтвердил эту датировку, уверенно относя грамоту № 135 к XV в.²

Прорись берестяной грамоты № 135 с упоминанием выжля

Косвенно датировка грамоты XV в. подтверждается и следующим соображением. Упомянутый в грамоте слуга, везший седла и собаку, был схвачен, в чем-то обвинен и предан смертной казни. Как известно, Правда Русская института смертной казни не знает вообще, а «все случаи, приводимые в доказательство существования смертной казни в XII—XIII вв. и ранее, не имеют юридического характера наказания»³ Первый пример наказания в виде смертной казни в русском праве, причем только за троекратную татьбу, дает нам Уставная Двинская грамота 1397 г.⁴ Потому новгородскую берестяную грамоту № 135, скорее всего, необходимо относить именно к XV в.

Сохранились и другие следы бытования слова «выжль» в Восточной Руси. Так, Арциховский указал, что в новгородских писцовых книгах под 1500 г. записан крестьянин по прозвищу «Выжлятник».⁵ А в сохранившейся подлинной жалованной, оброчной и несудимой грамоте дмитровского князя, данной Иосифо-Волоцкому монастырю в 1510 г., упоминается деревня Выжлецово Рузского стана.⁶ Таким образом, слово «выжль» и производные от него известны в русском языке как минимум с XV в., то есть ранее, чем в Западной Руси.

Западнорусское (старорусское) слово «выжль» происходит от

¹ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. № 87-136. М., 1958. С.74

² Там же. С. 87-155

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып.1. Ярославль, 1872. С.130.

⁴ Там же. С.129

⁵ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты.... С.75

⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч.2. М., 1956. С.48

праславянского «*wuzьль», которое есть производное от «*wug-» (ср. польск. «wуга» — «старый пес»), образованного, в свою очередь, от «*wuty» — «выть».⁷ Таким образом, праславянское существительное «*wuzьль» входит в словообразовательную модель с суффиксом «-ьль» (ср. орел, козел, дятел и т. п.) и является названием собаки по ее вою, то есть это слово образовано аналогично другому породному названию собак, происходящему от лая, — «лайка». Последнее косвенно подтверждает, что первоначально «выжль» был именно промыслово-охотничьей собакой.

Как я уже говорил выше, главная задача духовой собаки заключалась в розыске и подъеме зверя. Для того чтобы затянуть предполагаемый осок тенетами, необходимо было точно убедиться, что в нем имеются требуемые для охоты звери. Прodelать эту операцию в бесснежный период было не так-то просто и требовало от осочников высокой квалификации следопытов. И здесь им помогали специально натренированные собаки, которых при обходе предполагаемого осока вели на сворке и которые своим поведением или лаем должны были дать понять осочнику, является обнаруженный им след зверя старым или свежим. При взятии же самого осока, в связи с тем, что площадь его была, как правило, значительна, даже и при достаточном числе загонщиков и кричан зверь всегда мог свободно отстояться или уйти за кричан. И здесь помощь собаки, в первую очередь для подъема отстаивающегося зверя, была чрезвычайно важна.

Сам термин «духовая собака» является прямой калькой с немецкого названия этой породы собак — «lait». Термин этот в русскую охотничью терминологию впервые был введен Левшиным. В его «Совершенном егере», увидевшим свет в 1779 г., впервые и встречается название «духовая собака». В другом его руководстве, под названием «Псовый охотник», можно прочитать и о том, что представляла собой эта порода и для чего она использовалась. Особо подчеркну, что это взгляд немецких охотников, причем взгляд из XVII в.

«Духовая собака или осочальная предпочитается всем другим породам, по великой пользе приносимой ею. Употребляют собак сих к тому, чтобы узнать, сколько в округе находится зверей и какого оные рода; при самой же ловле, чтобы довела она к зверю сколько можно ближе, а чрез сие заменяет много людей и охотничьих снарядов. Собака сия бывает видом очень сходна с собакою гончею, но совсем отличается свойством. Вместо того, что гончая собака нашед на след звериной громко взлаивает, сия отнюдь сего не делает, но останавливается на оном и показывает чутьем (носом или мордою)».⁸

Еще раз подчеркнем, что именно особенности географо-климатических условий при производстве загонно-тенетных охот в Западной Европе требовали использования при этих охотах собак. И потому именно духовые и

⁷ Этимологический словарь русского языка. Т.1, вып.3. М., 1968. С.223. Шинский Н.М. О некоторых названиях собак в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V. М., 1966. С. 173-174

⁸ [Левшин В.А.] Псовый охотник. С. 6

травильные собаки, необходимые для производства этих охот, вплоть до XVIII в. оставались здесь главными собаками и, соответственно, самыми дорогими. Это мы видим и на примере Литовских статутков.

Понятно, что духовые собаки должны были различаться по своей более узкой специализации, в первую очередь как специализированные на крупную и мелкую дичь или, к примеру, на копытного и лапного зверя.⁹ И Литовский статут дает наглядный пример такого разделения собак: «следник» и «набрешник» — это духовые собаки, специализировавшиеся именно по крупной дичи, а вот «выжль» — по мелкой и средней. И здесь весьма существенен тот момент, что в первой редакции статута определенно указано, что выжль специализирован именно по зайцу. Это очень важно, так как помогает понять всю дальнейшую эволюцию этой породной группы. Ведь специализация по зайцу требовала от собаки намного более сильного чутья, чем от собаки, специализировавшейся, к примеру, по оленю или, тем более, по кабану.

В связи с тем, что слово «выжль» имеет праславянский корень, оно может наличествовать и в других славянских языках. И действительно, в современных словарях мы находим: в сербо-хорватском — «vizel», «вижао», «вижле»; в словенском — «vizel»; в чешском — «vyzel», «vyzle»; в словацком — «vyzla»; в польском — «wyzel», «wyzelek». И во всех этих западнославянских языках это слово обозначает легавую собаку вообще, то есть не конкретную породу, а именно специализированную породную группу «легавые собаки». Мало того, у южного соседа Польши и Чехословакии — Венгрии — слово «vizsla» также обозначает легавую собаку, правда, конкретную породу, а не всю специализированную породную группу. Последнее обстоятельство как раз и свидетельствует, что эта собака вместе с ее названием была заимствована венграми у их славянских соседей, а не наоборот.

Сместимся на восток. В украинском языке слово «вижел» также означает именно легавую собаку. Но уже в белорусском нас поджидает некоторый сюрприз. В современном белорусском языке слово «выжла» (в родительном падеже «выжлы») также означает именно легавую собаку. А вот слово «выжал» несет уже двойной смысл. В первом значении оно означает легавую собаку, тогда в родительном падеже будет «выжлы», то есть это слово склоняется так же, как и «выжла». А во втором оно означает кобеля гончей собаки, тогда это слово в родительном падеже будет «выжла». Налицо генетическая связь именно этого слова со словом «выжль» («выжль») из Литовского статута. При этом еще раз подчеркнем, что «выжал» — это название именно гончего кобеля, а не всей породной группы «гончие собаки» в целом. Последняя группа по-белорусски так и называется — «гонча». Но сдвинемся дальше на восток, то есть в Великороссию. И здесь мы увидим еще более удивительные вещи.

⁹ Лапный зверь — старинный охотничий термин, объединявший под собой таких зверей, как заяц, лисица, волк, медведь и т. п.; антоним термина «копытный зверь».

В современном русском языке нет не только слов «выжль» или «выжл», но и вообще терминов с этой корневой основой, которые обозначали бы специализированную породную группу «легавые собаки». В то же время есть слово «выжлец», обозначающее кобеля гончей собаки и образованное от общеславянского «выжел». Причем в этой форме слово известно только в великорусском языке, то есть является словом исключительно местного происхождения, и совершенно незнакомо другим славянским языкам.

К тому же семантическому ряду, что и слово «выжлец», Даль отнес еще слова «выжлик», «выжлок», «выжлица», «выжловка», «выжля», «выжлята» и «выжлятник».

Из этого ряда слова «выжлик» и «выжлок» в русской охотничьей терминологии не употреблялись, за некоторыми исключениями. Примеры их в русском языке единичны, взяты из былин (причем так называемого Киевского цикла, то есть имеющие в своей основе южнорусское происхождение), и, по всей видимости, они являются заимствованиями из польского (ср. с польским «wyzelek») через западнорусское посредничество.

Редкий пример употребления термина «выжлок» дают реестры собак охоты графа П. Б. Шереметева.¹⁰ Причем здесь он означает молодого гончего выжлеца и встречается нечасто. Шереметевы не только имели вотчины в Малороссии, но и подолгу там служили и живали, отсюда, видимо, и попал в реестры их собак «выжлок».

Слово «выжлица» также никогда не употреблялось в русской охотничьей терминологии. Образовано оно по тому же словообразовательному типу, что и орлица, кобылица и т. п., следовательно, не от слова «выжлец», а от слова «выжел», а потому не является великорусским. Таким образом, «выжлица» — либо слово польского происхождения, либо, в крайнем случае, западнорусского и, следовательно, означало не гончую суку, а именно легавую суку. До последней четверти XVIII в. русские письменные источники никогда не называли гончую суку «выжлицей», а всегда просто сукой, и лишь в это время появляется слово «выжловка», ставшее в русской охотничьей терминологии обозначением гончей суки. Но об этом более подробно в своем месте.

Слово «выжля», по Далю, среднего рода и означает щенка гончей собаки. Множественное число от этого слова и есть «выжлята». «Выжлятник» — псарь, ухаживающий и смотрящий за гончими собаками.

Таким образом, все гнездо слова «выжлец», за исключением не великорусских слов «выжлик», «выжлок» и «выжлица», относится именно к гончим собакам. Причем, как и в белорусском языке, оно не означает породную группу «гончие собаки» в целом, а относится лишь к половым и возрастным характеристикам гончих собак.

Добавим к этому, что в современном литовском языке гончая собака называется «skalikas», а легавая — «paukstsunis». Однако живший во второй половине XIX в. известный охотничий писатель Д. Вилинский в своих

¹⁰ РГИА, ф. 1088, оп.9, д.1202, л.3

заметках об охоте в Ковенской губернии ¹¹ отметил, что по-жмудски (по-литовски) легавая называется «выжлас».

Все выше сказанное позволяет сделать более-менее точное предположение о том, как возникла и как эволюционировала порода собак, носившая в XV—XVI вв. в Западной и Восточной Руси общее название «выжль» («выжель», «выжль», «выжелъ», «выжалъ»),

В латинском переводе первой редакции Литовского статута «выжль» толкуется именно как духовая собака, при этом не смешивается и тем более никак не объединяется с огаром. Те факты, что в современном белорусском языке слово «выжал» означает кобеля гончей собаки (причем в этом случае по типу склонения имеет связь со словом из Литовского статута) или легавую собаку; в современном русском языке «выжль» в измененной форме как «выжлец» обозначает именно гончего кобеля и при этом неизвестно в значении легавой собаки; в польском языке слово «wuzel» относится исключительно к легавым собакам и ни в какой форме не связывается с гончими, — позволяют сделать следующее предположение.

В древности у славянских племен собака, использовавшаяся на промысле и своим лаем помогавшая обнаружить зверя или птицу, именно из-за этой особенности получила название, восходящее к праславянскому слову «*wuzьль». Причем называние русскими охотниками северной промысловой собаки «лайкой» косвенно подтверждает это. Древнеславянский «*wuzьль» был именно универсальной промыслово-охотничьей собакой, использовавшейся человеком везде, где это было возможно и необходимо. Но главным его использованием, по всей видимости, была помощь при производстве загонно-тенетных охот — примерно в том же качестве, как в античное и раннесредневековое время.

Таким образом, можно сказать, что «*wuzьль» было наиболее ранним среди славянских племен названием охотничьей собаки, причем появившимся много раньше, чем «*хыть». Об этом свидетельствует то, что в Западной и в Восточной Руси было известно название собаки «выжль», а вот собака под названием «хорт» пришла от западнославянских соседей.

Именно в качестве осочной (духовой) собаки и застают «выжля» русские письменные источники XV—XVI вв. Причем и в XV в., и в XVI-м, и, видимо, в более раннее время в Западной Руси «выжль» оставался наиболее универсальной охотничьей собакой из всех собак, принимавших участие в шляхетско-крестьянских загонно-тенетных охотах.

Наметившееся к концу XV в. окончательное падение охоты как промысла на территории Великого княжества Литовского и, соответственно, выпадение из промысловой и полупромысловой охот тех способов и методов, которые не могли оправдываться экономически, привели к упадку промыслового значения шляхетско-крестьянских загонно-тенетных охот как сильно затратных по материальным и людским ресурсам.

Естественно, в связи с этим должна была измениться и судьба «выжля».

¹¹ Ковно — современный г. Каунас Литовской республики.

Эта породная группа собак должна была либо окончательно исчезнуть, растворившись в других группах без остатка, либо переqualificироваться. Причем последнее могло протекать в двух направлениях: либо выжль становился обыкновенной гончей собакой, либо — универсальной зверовой легавой.

Для того чтобы стать настоящей гончей собакой, у выжля, как и у всех подобных собак, не было главного качества гончей — вязкости. Может быть, со временем, он и смог бы ее приобрести. И частично выжль по этому пути пошел, о чем свидетельствует перевод третьей редакции Литовского статута, в которой «выжль» переведен на польский язык как «огар». Однако в качестве гончей собаки выжль не смог выдержать конкуренции с последним, который уже в XVI в. обладал всеми достоинствами, необходимыми для настоящей заячьей гончей. Причем Литовский статут показывает, что огар был хорошо известен в Великом княжестве и его ценовая градация свидетельствует о том, что собака эта была именно шляхетской охоты, то есть собакой достаточно широко распространенной.

Но, тем не менее, надо думать, что выжль, обладая очень неплохим чутьем, по всей видимости, сыграл существенную роль в становлении пород восточных гончих. Об этом недвусмысленно свидетельствует латинский перевод второй редакции Литовского статута, в котором обе собаки объединены в одну группу и при этом обозначены как *«брак или заячий тончочутый огар и [такой же] малый, называемый выжлом»*. Таким образом, в это время они различались между собой (если и вообще различались) главным образом только внешне. А вот их использование в середине XVI в. было одинаково. Из чего можно сделать вывод о том, что в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. выжль стал активно смешиваться с польским огаром.

Обозначение же огара и выжля в латинском переводе второй редакции статута именно как брака говорит вот о чем. В средневековой Европе брак был универсальной охотничьей собакой промысловых охотников, которые использовали его по всему, по чему только было возможно, законно или незаконно. Именно от названия этой собаки и происходит известное в русской охотничьей терминологии слово «браконьер», обозначившее охотника, производящего незаконную охоту. Таким образом, брак был в буквальном смысле слова западноевропейским аналогом русского выжля, то есть был «мастером на все лапы», и принадлежал самой низшей категории охотников. А этой категории и была нужна универсальная охотничья собака, так как содержание специализированных собак для каждого вида охоты не оправдывалось экономически. Соответственно, и о собаках этих вспоминали только тогда, когда в них возникала потребность. Поэтому что выжль, что огар, что брак жили на полной свободе и были представлены сами себе, совершенно так же, как в наших северных промысловых районах содержались лайки.

В результате смешения выжля и огара уже через самое короткое время третья редакция Литовского статута даже перестает различать эти породы,

расценивая их уже как одну породную группу. А уже в следующем, XVII в. сильно возросшая культурная экспансия Польши в Белоруссию и частичная полонизация последней привели к тому, что термин «выжль» в качестве обозначения специализированной породной группы «заячья собака» окончательно оказался вытеснен термином «огар» и сохранился лишь в обозначении гончего кобеля в западнорусском слове «выжал» и в восточнорусском «выжлец». Но о последнем мы поговорим еще в своем месте.

Однако более продуктивным для выжля оказался второй путь — превращение его в универсальную легавую собаку. Дело в том, что с XVI в. огнестрельное оружие на охоте перестало быть принадлежностью лишь знатных и богатых, но оказалось доступным самым широким слоям шляхты, превратившись в обычное орудие производства на охоте. Об этом недвусмысленно свидетельствует уже цитированный в предыдущей главке Устав на волоки великого князя Литовского Сигизмунда Августа 1557 г., в котором в статье 39 находим: *«и под пуцями нашими ручниц ховати и жадного (никакого — О. Е.) зверу ловити не мают...»*, а значит, в середине XVI в. ручное огнестрельное оружие не только было в свободном обращении у западнорусских крестьян, но и широко использовалось ими на охоте, что и вынудило великого князя издать указ о его запрете в селах и деревнях, соседствующих с великокняжескими охотничьими угодьями.

Для зверовой ружейной охоты, причем не только магнатской, но и главным образом профессиональной, егерской, потребовалась собака, в задачу которой входили бы розыск и указание зверя, а также добор подранка по кровяному следу. Последнее было, пожалуй, одной из главных задач этой собаки, так как огнестрельное оружие, применявшееся тогда на охоте, было крайне несовершенным. И выжль оказался здесь как нельзя кстати, в первую голову, надо думать, именно благодаря своему отличному чутью.

Можно предположить, что уже к концу XVI в. выжль в Великом княжестве Литовском стал универсальной зверовой легавой, принадлежавшей самому широкому кругу охотников: от средней и мелкой шляхты до крестьян. При этом он не только лег в основание новой специализированной породной группы и передал ей свое породное название, но и вобрал в себя все другие породные группы собак, участвовавшие вместе с ним в загонно-тенетных охотах. То есть следников, набрешников, узлайников и т. п., названия которых как самостоятельных породных групп окончательно исчезают уже в XVII в. В качестве универсальной легавой собаки выжль стал хорошо известен не только в Великом княжестве Литовском, но и по всей Речи Посполитой. По всей видимости, такую же эволюцию проходила эта порода и у других южных и западных славянских племен.

Однако именно в качестве легавой собаки выжль так и остался неизвестен у восточного соседа Великого княжества Литовского — Московской Руси. Почему это так произошло, мы еще подробно поговорим в своем месте.

Объединение огара и выжля в одну группу и соотнесение их с западноевропейским браком лишний раз свидетельствуют, что специализация

всех этих собак в средневековье была самой широкой и только по мере дальнейшего развития любительской охоты наметилось их более узкое использование. Причем, вновь подчеркну, что процесс образования устойчивых специализированных породных групп собак с обретением ими своих общегрупповых названий завершился довольно поздно — лишь в новое время, в XVII—XVIII вв. Это хорошо демонстрирует пример из румынского языка, в котором слово «visla» означает не легавую собаку и даже не гончую, как можно было бы ожидать, а прямо противоположное — борзую собаку.

В Западной Европе эволюцию, подобную выжлю, проделал брак, превратившись из универсальной промысловой собаки (просто ловчей собаки) сначала в универсальную зверовую легавую, а затем и в настоящую легавую собаку. Например, в современном румынском языке брак («bгac») обозначает именно легавую собаку.

Завершая разговор о собаках Великого княжества Литовского, отметим еще тот момент, что ни одна редакция Литовского статута не знает термина «гончая собака». Не фиксируется документальными источниками первой половины XVI в. этот термин и в Московской Руси. Однако уже в 1558 г., в упоминавшемся уже неоднократно указе Ивана Грозного, мы впервые сталкиваемся с термином «гонная собака». Образовался он явно по аналогии с термином «борзая собака» и, без всякого сомнения, ему в пару. Причем его более поздняя документальная фиксация косвенно подтверждает и более позднее происхождение. Ведь вначале, когда московиты приохотились травить зайцев, выгонять их из кустарников и лесков, кроме цепи пеших загонщиков, помогали все те же «ловчие собаки», которые принимали участие и в загонно-тенетных охотах и которые легли в основу новой специализированной породной группы, получившей чуть позже название «гонные собаки».

А теперь, прежде чем окончательно вернуться в Московскую Русь, оценивая в целом все вышеизложенное в этой главке, особо подчеркну, что влияние западного соседа Московской Руси — Великого княжества Литовского — на формирование местных, то есть московских, отродий охотничьих собак было в XVI в. достаточно заметным. И мы не только не можем его игнорировать, как это делалось до сих пор в русской охотничьей литературе, но и должны продолжить дальнейшее тщательнейшее изучение белорусских, литовских и польских документальных источников, чтобы лучше понять историю становления отечественных пород охотничьих собак.